

Ли Сяньфу заметил, как при этих словах уголок губ Чжоу Паньбай слегка дрогнул в едва заметной усмешке.

Судья Чжао уже собирался сделать шаг вперед, но судья Фан придержал его:

— Давай лучше я сначала.

Судья Чжао смутно догадался, что тот задумал, и не стал мешать, отступив в сторону.

Судья Фан с нарочито небрежным видом вытянул две бамбуковые палочки и показал написанные красным имена на их кончиках:

— Чжоу Паньбай...

Все невольно затаили дыхание. Судья Фан обвел толпу взглядом и остановил его на одном человеке:

— Ли Сяньфу.

Так определилась первая пара соперников.

Судьи продолжили тянуть жребий, и вскоре список участников окончательно сформировался:

Ю Фан против Мо Ицзин.

Ся Цзюй против Юй Биня.

Чу Ян против Линь Яньшу.

В целом этот пленэр больше напоминал спонтанное путешествие. Время на свободное творчество было отведено до девяти вечера. На этот период участники должны были сдать свои смартфоны. На случай чрезвычайных ситуаций организаторы выдали всем простые кнопочные телефоны без доступа в интернет — совершать звонки они могли без проблем.

Поскольку тема не ограничивалась, определившись с соперниками, все быстро разошлись на поиски вдохновения.

Ли Сяньфу не стал уходить далеко. Он остановился под раскидистым деревом и задумчиво провел пальцами по шершавой коре.

— Переживаешь из-за конкурса? — раздался сзади чей-то голос.

Ли Сяньфу обернулся. Мо Ицзин тепло ему улыбнулась.

— Я уверен в своих силах, — спокойно ответил Ли Сяньфу.

— Но твоя соперница — Чжоу Паньбай, — заметила Мо Ицзин.

Любой мало-мальски внимательный человек уловил бы в ее словах скрытый намек.

— Она усердно наводит всех на мысль, будто у тебя интимная связь со спонсором, хотя сама крутит шашни с судьями.

Они не были ни близкими друзьями, ни родственниками, поэтому Ли Сяньфу не ожидал от нее

такой откровенности.

— Терпеть не могу ее повадки, — вслух произнесла Мо Ицзин, мысленно добавив: «Зато твоя внешность и манеры мне очень даже по душе».

Ли Сяньфу не был наивным простаком и прекрасно понимал, что их с Чжоу Паньбай распределение в одну группу вовсе не случайность. У нее были слабые навыки, а среди всех участников только он не имел опыта побед в конкурсах. Даже если судьи поставят ему низкие баллы, это вряд ли у кого-то вызовет подозрения.

— Ничего страшного, — невозмутимо отозвался Ли Сяньфу. — Она выбрала не того противника.

— Иногда одного таланта далеко не достаточно, — предостерегла его Мо Ицзин.

Ли Сяньфу и сам это прекрасно понимал. Другие судьи вряд ли совсем не замечали интрижки между Чжоу Паньбай и судьей Фаном, просто пока это не переходило определенные границы, до финального этапа они не стали бы вмешиваться.

Его собственная полезность для организаторов после репоста тех нескольких конкурсных записей в блоге была практически исчерпана.

Пока они беседовали, Чжоу Паньбай и судья Фан уединились в тихом уголке. Девушка с натянутой улыбкой уворачивалась от его загребущих рук.

Не получив желаемого, судья Фан недовольно нахмурился. Чжоу Паньбай, желая его успокоить, кокетливо выдохнула ему прямо в ухо:

— Вечером.

Рубашка порой может служить мощным инструментом соблазнения. Чжоу Паньбай любила носить белую рубашку слегка помятой, намеренно расстегивая три верхние пуговицы, чтобы продемонстрировать изящные ключицы.

В любой другой день у судьи Фана от такого зрелища давно бы сладко потянуло вниз живота, и он не упустил бы шанса повалить ее прямо на месте. Но сейчас, глядя на ее нежную кожу, он ловил себя на том, что думает о Ли Сяньфу.

Тот тоже носил рубашки, но всегда застегивался на все пуговицы, едва обнажая запястья. И все же каждое его мимолетное движение будоражило воображение гораздо сильнее.

Жаль только, на крючок этот парень не шел!

Судья Фан сглотнул, чувствуя досаду. Проведи он хоть одну ночь с таким красавцем — и он расшибся бы в лепешку, чтобы протащить его на гран-при, даже если бы это восстановило против него всех коллег и разрушило его репутацию.

Чжоу Паньбай не подозревала, что ее мысленно сравнивают с кем-то другим, да еще и не в ее пользу. Она медленно вела пальчиком вверх по его позвоночнику, дразня и распаяя.

Почувствовав приятную дрожь, судья Фан решил для начала ублажить стоящую перед ним милашку:

— Твоего мастерства хватит максимум на второе место. Когда эта первая ступенька будет пройдена, я познакомлю тебя с одним выдающимся художником. Он поможет тебе

раскрутиться и сделает имя.

Глаза Чжоу Паньбай радостно блеснули, и она перестала уклоняться от блуждающих по ее телу рук.

В предвкушении блестящего будущего Чжоу Паньбай сияла от самодовольства. Она откровенно ненавидела Ли Сяньфу по одной простой причине: его популярность в соцсетях и смазливое лицо. Ведь он мог бы использовать славу Мужчины в маске, но вместо этого вечно строил из себя недотрогу.

Сколько усилий она приложила, сколько соперниц обошла, чтобы привлечь внимание этого старого похотливого козла! А Ли Сяньфу даже пальцем шевелить не пришлось — судья Фан сам поспешил к нему с предложениями.

При этой мысли Чжоу Паньбай сердито зажмурилась, а когда снова открыла глаза, на ее губах играла злорадная улыбка. После завтрашнего дня это бельмо на глазу навсегда исчезнет с ее пути.

.....

Ли Сяньфу не собирался сидеть сложа руки. Прогуливаясь неподалеку, он наконец заметил на пустыре с живописным видом Цинь Цзинь. Подойдя к нему, он прямо заявил:

— Мне нужно честное поле боя.

Вторая свисту ветра, Цинь Цзинь негромко похлопал в ладоши и с улыбкой произнес:

— А я думал, ты разберешься со всем сам.

Ли Сяньфу промолчал.

Когда порыв ветра утих, Цинь Цзинь продолжил:

— Я поговорю с Фан Юаньцзянем.

Его «предостережение» вряд ли ограничилось бы парой мягких фраз — по сути, оно означало для адресата полный крах карьеры и позор.

— Что-то еще? — спросил Цинь Цзинь.

Ли Сяньфу посерьезнел:

— Не стоит утруждать себя, господин Цинь. Я справлюсь сам.

Цинь Цзинь удивленно приподнял бровь.

Ли Сяньфу мягко улыбнулся, но в глубине его глаз застыл лед:

— Я отплачу им их же монетой.

Цинь Цзинь без труда уловил скрытый подтекст. Под «ними» подразумевался далеко не только Фан Юаньцзянь: Чжоу Паньбай и остальные судьи, закрывавшие на все глаза, тоже были в этом списке.

Он наконец повернулся и с интересом посмотрел на Ли Сяньфу. Похоже, он не ожидал, что этот молодой человек окажется настолько мстительным.

— И что ты задумал?

Улыбка Ли Сяньфу стала шире:

— Рисовать.

Раз уж он приехал на конкурс, то и действовать следовало по правилам.

Не прошло и пятнадцати минут, как Цинь Цзинь застал картину: Ли Сяньфу сбегал обратно и, тяжело дыша, притащил с собой планшет для рисования.

Ли Сяньфу приподнялся на цыпочках, огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, потер ладони:

— Не мог бы ты побыть моим натурщиком?

Воздух на мгновение словно застыл.

Цинь Цзинь понял, что ход мыслей этого человека предугадать невозможно.

— Не в стиле «ню», разумеется, — поспешил уточнить Ли Сяньфу. — Достаточно будет просто обнажить торс.

Раз уж Чжоу Паньбай так хочется облить его грязью, почему бы не дать ей реальный повод? Интересно только, о чем подумает судья Фан, когда своими глазами увидит портрет Цинь Цзиня, позировавшего ему?

Человек с грязными мыслями наверняка сразу решит, будто между ним и Цинь Цзинем существует предосудительная связь. И если «маленький любовник» шепнет спонсору пару ласковых на ушко, тот запросто сотрет наглеца в порошок. Одни лишь мысли о возможных последствиях доведут этого идиота до полусмерти.

Да и те судьи, что знали о происходящем, но предпочитали молчать, наверняка не на шутку перепугаются.

Ли Сяньфу тонко улыбнулся:

— Когда объявят результаты первого тура, тебе, господин Цинь, нужно будет вовремя вмешаться и строго напомнить о важности честной игры. Пусть поймут, что твое согласие позировать мне — это предупредительный щелчок по носу. Так мы и твой авторитет укрепим, и гарантируем объективность дальнейших оценок.

Постепенно разрушать чужую психологическую защиту — самое изощренное удовольствие.

— А на обратном пути после пленэра я как бы невзначай раскрою свой статус богатого наследника. Тогда судья Фан окончательно лишится покоя и сна.

Цинь Цзинь не сдержал улыбки:

— И что дальше?

— Дальше? Пожалуюсь старшим в семье, и его карьере придет окончательный конец.

Какая-то дряхлая развалина возомнила о себе невесть что и решила продвигать людей через постель. Когда Ли Сянфу безжалостно вел борьбу за власть во внутреннем дворе, этот старик еще куличики из грязи лепил.

Ли Сянфу говорил на удивление мягко, без тени личной неприязни в голосе, однако в нескольких словах с легкостью предрешил плачевную судьбу судьи Фана.

Цинь Цзинь ни секунды не колебался. Он даже негромко захлопал в ладоши от восхищения:

— Что ж, сделаем так, как ты сказал.

.....

Теперь перед Ли Сянфу встал вопрос: где именно рисовать?

Окружающие пейзажи были весьма колоритными, но совершенно не вязались с образом Цинь Цзиня, а делать обычный набросок ему не хотелось.

Почему-то в его сознании брезжил смутный образ: нечто дикое, неприютное, одинокое... Но стоило попытаться ухватить его, как ускользающее вдохновение вновь таяло.

Для творческого человека нет ничего мучительнее подобного состояния.

Заметив его озабоченный вид, Цинь Цзинь вдруг произнес:

— Если ты ищешь по-настоящему необычный вид, я знаю одно подходящее место.

Особых надежд Ли Сянфу не питал, но все же последовал за ним.

<http://bllate.org/book/18300/1756954>